УДК 159.99

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА В «СТРОИТЕЛЬНЫХ ЛЕСАХ»¹

В.А. Мазилова

^а Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 150000, Россия, Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1

Обсуждается состояние отечественной психологической науки. Традиционно считается, что психология отделилась от философии и стала самостоятельной дисциплиной во второй половине XIX столетия. Утверждается, что, вопреки распространенному мнению, психология еще не стала полностью самостоятельной наукой, так как не достигнуты необходимые для этого условия. Намечены первоочередные задачи, которые необходимо решить. Важнейшим вопросом является проблема предмета психологической науки. Анализируется реакция отечественной психологии на вызовы глобализации. Утверждается, что понимание глобализации как унификации на основе американской модели является серьезным препятствием на пути полноценного становления психологии как фундаментальной науки, что было предсказано классиками психологии XX в.

Ключевые слова: психология; наука; фундаментальная наука; объяснение; становление науки; предмет науки; система науки; методология; редукция; способности; структурноуровневый подход.

> За монизм психологии платилась высокая цена неоправданных ограничений. *М.С. Роговин, Г.В. Залевский*

В недавнем номере «Сибирского психологического журнала» была опубликована статья Г.В. Залевского, посвященная обсуждению методологических проблем психологической науки [1]. Это, без сомнения, важное событие, так как рассмотрение методологических проблем науки в целом – большая редкость: чаще всего речь идет об отдельных методологических вопросах в связи с частными предметными областями психологии. Г.В. Залевский – известный специалист в области методологии психологии, поэтому его суждения и разработки имеют для психологии большую ценность. Накануне 25-летнего юбилея «Сибирского психологического журнала» следует позитивно отметить позицию редакционной коллегии, которая уделяет достойное внимание регулярному обсуждению на страницах этого авторитетного издания фундаментальных методологических вопросов психологической науки.

Работа Г.В. Залевского имеет знаменательное название. Речь в этой статье, напомним, идет о «строительных лесах» на здании строящейся психо-

 $^{^1}$ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-29-07156.

логии. Тем самым статья отсылает читателя к работам М.С. Роговина, замечательного отечественного психолога и философа психологии [2]. В своей книге в 1969 г. М.С. Роговин писал: «Вместе с расширением самой области психологического исследования, вместе со все большей дифференциацией психологии теряется из виду ее главный объект – сам человек, продукт и в то же время творец определенной исторической эпохи, человек с его радостями и страданиями, стремлениями, успехами и ошибками, живой человек – единственный настоящий объект психологии. На его место становятся абстрактные "психологические механизмы", "детерминирующие тенденции", "содержания сознания", "акты", "процессы", "обратные связи" и т.п., которые, хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии, хотя и углубляют наше понимание закономерностей психики, но которые, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, могут заслонить собой конечную цель психологического исследования» [3. С. 5]. В конце 1960-х гг. М.С. Роговин провел ряд методологических исследований, к некоторым результатам которых нам придется обратиться в настоящей статье. Заметим, что для этого ученого, кстати, непосредственного учителя Г.В. Залевского, было характерно широкое, панорамное видение развития психологической науки, поэтому его свидетельства в свете темы нашей статьи имеют особую ценность. К оценкам М.С. Роговина мы еще вернемся, а пока необходимо предпринять небольшой исторический экскурс, проясняющий некоторые значимые обстоятельства рождения научной психологии.

Для того чтобы провозгласить психологию наукой, требовалось представить такой вариант этой дисциплины, который был бы научным (т.е. соответствовал принятым на тот момент критериями научности или хотя бы имел явные признаки научности) и разделялся бы, поддерживался по крайней мере частью научного сообщества. Нужно заметить, что это событие – провозглашение психологии наукой – давно ожидалось. Дж.С. Милль (1843) обосновал возможность и необходимость существования психологии как отдельной науки [4]. Огюст Конт в своей классификации наук отказал психологии в праве занять место среди научных дисциплин, так как справедливо полагал современную ему психологию целиком метафизической. Кто-то должен был взять на себя миссию, связанную с провозглашением психологии самостоятельной наукой.

Прежде всего стоит обратить внимание, что метафора «выделение» является неудачной. Эта метафора давно и широко используется в истории психологии. Она создает впечатление, что некоторая «часть философии», автономно существовавшая в недрах философского знания, заявила о своем «суверенитете», «автономии» и начала «самостоятельное существование». Это совершенно не соответствует действительности, так как физиологическая психология В. Вундта, которая и была им объявлена отдельной, «самостоятельной» наукой, выстраивалась, конструировалась автором по определенному проекту. Контуры этой дисциплины В. Вундт увидел в работах Иммануила Канта. В скобках отметим, что, на наш взгляд, Г.В. За-

левский в цитированной выше статье справедливо обращается к Канту: представляется, что многогранное кантовское влияние на развитие психологической науки проанализировано как методологией, так и историей психологии пока недостаточно. Вероятнее всего, причиной этого является миф об «антипсихологичности» системы Канта, к сожалению, достаточно распространенный. Как известно, в 1786 году Иммануил Кант в «Метафизических началах естествознания» [5] проанализировал современную ему психологию, выделив четыре ее существенных недостатка. Напомним, по Канту, психология не может использовать математику (1), эксперимент (2), в психологии нельзя обнаружить устойчивые элементы, которые можно сделать основой (3), сам метод самонаблюдения ненадежен и искажает естественный ход душевных процессов (4). Эти недостатки представлялись И. Канту настолько существенными, что его вердикт для психологии был печален: она никогда не сможет стать такой, как естественные науки.

Вундт взял эти кантовские положения за основу и решил построить научную психологию, выполнив определенные действия, которые бы «устранили» кантовскую критику. Забегая вперед, скажем, что это была психология как естественная эмпирическая наука в кантовском представлении 1786 г. Последнее важно, так как у Канта можно обнаружить и другие идеи о разработке психологии.

Заслуживают упоминания имена немецких психологов И. Гербарта и М. Дробиша. Иоганн Гербарт (1776–1841) достаточно известен как сокрушитель теории способностей. Нас он интересует как исследователь, сделавший первый шаг в полемике с Кантом по поводу перспектив психологии: он обосновал применимость математики в психологии [6]. По вопросу неприменимости эксперимента в психологии И. Гербарт солидарен с Кантом – психология «не смеет» экспериментировать. Но прецедент создан: одно из кантовских критических замечаний снято.

Мориц Вильгельм Дробиш (1802–1896), ныне прочно забытый, впервые стал понимать психологию как подлинно эмпирическую дисциплину. Здесь необходим комментарий. Конечно, об эмпирической психологии говорили многие и до М. Дробиша. В частности, Христиан Вольф еще в XVIII в. посвятил эмпирической психологии объемистый том [7]. Необходимо подчеркнуть, что эмпирическую психологию Вольф понимал своеобразно: обращение к опыту он рассматривал лишь как средство проверки результатов рассуждений. Не случайно он относит эмпирическую психологию к наукам теоретическим (по Вольфу, это наука «эмпирическая теоретическая»; подробнее см.: [8]). Таким образом, Дробиш – пионер эмпирической психологии, в которой опыт является предметом специального анализа, и можно говорить, что психология действительно основана на опыте [9]. В.Ф. Чиж так характеризовал эмпирическую психологию М.В. Дробиша: «Самая книга назначена служить доказательством, что построение психологии возможно "без помощи метафизики и философии вообще, а только на основании беспристрастного наблюдения, расчленения, сравнения и сопоставления явлений нашего внутреннего сознания". Дробиш так определяет задачи эмпирической психологии: это "описание и классифицирование явлений"; следовательно, методом ее будет "верное, без предвзятой идеи, совершенно беспристрастное наблюдение, чуждое всякой теоретизации"» [10. С. 26].

Фридрих Альберт Ланге (1828–1875) в своей «Истории материализма» ("Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart", 1866) [11] дал абрис того, как может выглядеть эмпирическая психология, ориентированная на естественные науки.

Наконец, как известно, в своих «Основаниях физиологической психологии» Вильгельм Вундт обосновывает новую область знания – физиологическую психологию [12]. Это дисциплина, которая имеет свой предмет, метод, систему понятий, законы. Обратим внимание, что это дисциплина, в которой полностью устранены кантовские критические замечания к психологии 1786 г.: психология использует математику и эксперимент, устойчивые элементы испытуемый научается выделять в ходе предварительных опытов (напомним, что испытуемый допускался до исследования лишь после того, как пройдет предварительно обучающие запротоколированные 10 тыс. экспериментов), с помощью самонаблюдения изучаются лишь простейшие явления, в которых в силу их простоты и элементарности нарушить ничего нельзя. Кроме того, в состав физиологической психологии включаются ранее проведенные исследования по времени реакции (Ф. Дондерс и др.) и психофизике (Э. Вебер, Г.Т. Фехнер и др.). Обратим внимание, что фехнеровская психофизика требовала значительного переосмысления: Г.Т. Фехнер исходил из психофизиологического тождества, а Вундт рассматривал данные психофизики с точки зрения психофизиологического параллелизма.

Характерно, что Вундт понимал, что его акция преждевременна. Впрочем, приведем цитату. В предисловии к первому изданию «Оснований физиологической психологии» Вундт в марте 1874 г. писал: «Предлагаемый публике труд имеет целью ограничение новой области в науке. Я хорошо сознаю, что моя попытка может быть сочтена преждевременною. В самом деле, даже анатомо-физиологические основания излагаемой науки еще недостаточно утверждены, а экспериментальная разработка психологических вопросов едва лишь начата. Но известно, что ориентировка в действительном состоянии науки, хотя бы только возникающей, есть лучшее средство для выполнения существующих в ней пробелов. Чем несовершеннее будет в этом отношении моя попытка, попытка, надо сказать, первая, тем скорее она вызовет труды, ее дополняющие и исправляющие. Кроме того, именно в этой области решение многих проблем существенно зависит от связи их с фактами, которые на первый взгляд часто кажутся не имеющими сюда никакого отношения, так что только ближайшее рассмотрение этих проблем может показать верный путь к их разрешению» [13. С. III].

Стоит отметить, что эта попытка была благожелательно принята научным сообществом. Оценивая реакцию научного сообщества, нужно иметь в виду следующее. Провозглашение психологии наукой было событием

долгожданным. Область душевных явлений оставалась последней областью, не охваченной наукой с ее экспериментами и точными измерениями. И вот последняя «крепость» пала перед научным наступлением. Правда, пришлось закрыть глаза на некоторые недоработки. Физиологическая психология исследовала лишь элементарные психические явления, поэтому охватывала только ощущения и произвольные движения. Соответственно, все высшие психические функции в сферу ее исследований не попадали. Таким образом, предметное поле новой науки было чрезвычайно сужено. Естественно, что при таком подходе можно было настаивать на тезисе, что это наука без всяких «метафизических допущений». Обратим внимание, что и это в полной мере не удалось. Вундт прекрасно понимал, что сознание целостно. Никакие ассоциации не в состоянии объяснить, как из элементов складываются целостности. Вундту приходится постулировать наличие закона творческого синтеза и, как следствие, выводить из него апперцепцию. Апперцепция - некая сила, локализующаяся в лобных долях, способная организовывать элементы опыта в целостности.

Обратим внимание, что Вундт – не атомист, отрицающий целостности. Приведем небольшую цитату из работы самого В. Вундта: «Какой бы процесс среди тех, которые мы называем "психическими соединениями" в широком смысле слова, или – так как все душевные процессы сложны, т.е. являются соединениями – какое бы психическое явление вообще мы не взяли, всюду и всегда мы натолкнемся на следующую яркую, характерную черту: продукт, возникший из определенного числа элементов, представляет собою нечто большее, чем простую сумму этих элементов; нечто большее, чем продукт, однородный с этими элементами и лишь так или иначе, качественно или количественно, отличающийся от них по своим свойствам: нет, такой продукт представляет собой новое образование, совершенно не сравнимое по своим наиболее существенным качествам с факторами, создавшими его. Это основное качество психических процессов мы называем принципом творческого синтеза» [14. С. 118]. И далее: «С этим принципом в его простейшем виде мы встречаемся при образовании чувственных представлений. Звук есть нечто большее, чем сумма его частичных тонов. При слиянии их в единство обертоны, вследствие своей малой интенсивности, обычно исчезают как самостоятельные элементы, зато основной тон получает, благодаря им, звуковую окраску, делающую его гораздо более богатым звуковым образованием, чем простой тон. Благодаря бесконечному многообразию продуктов, которые могут получиться из таких соединений, на основе простых тонов, отличающихся лишь высотою и глубиною, поднимается бесконечно разнообразный мир звуковых окрасок» [Там же]. Аналогичные явления имеют место в процессе восприятия: «...в процессах ассимиляции, соединяющихся с каждым процессом восприятия, воспроизведенные элементы входят в состав вновь образовавшегося продукта: из прямых впечатлений и многообразных отрывков прежних представлений создается синтетическое воззрение» [Там же. C. 118-119].

Согласимся, что такого психолога, хотя и настаивающего на аналитическом структурном подходе, трудно считать убежденным противником целостности. Вопрос исключительно в том, как эту целостность объяснять. Заметим, что, когда мы говорим о целостном подходе, на первый план чаще всего выходят вопросы методологические.

Современник Вундта Франц Брентано, развивавший целостный подход, отстаивавший целостность психического акта, критиковал создателя научной психологии не за невнимание к целому, а за путь к постижению целого. По мысли Брентано, есть целостные образования, которые принципиально несводимы друг к другу. Идти в их исследовании нужно от целого. В этом Брентано видит слабость эксперимента: он аналитичен и нарушает «целостность и доподлинность» психического акта, поэтому лишь самонаблюдение (при поддержке ретроспекции) может быть адекватным методом [15].

Обратим внимание на то, что вундтовская декларация о научной психологии была принята. Причем подчеркнем, что это принятие было осуществлено на разных уровнях. На официальном начали открываться психологические лаборатории, а потом и целые институты. Стали проводиться Международные психологические конгрессы. В Лейпциг со всей Европы, а потом и из других частей света, устремились желающие экспериментально исследовать душевные явления. Общий энтузиазм был вызван тем, что, наконец, наука посягнула на экспериментальное исследование души, о которой ранее только рассуждали.

Принятие вундтовской декларации опиралось на то, что это только первые результаты, дальше сфера научной психологии будет только расширяться. Формально так и происходило: если принять за показатель научности доступность для экспериментального исследования, то сфера экспериментальной психологии неуклонно расширялась: сначала память и внимание, затем речь и мышление, деятельность и научение, воля и личность...

В 20-е гг. XX в. экспериментально стали изучаться социальнопсихологические феномены. Кажется, что происходит триумфальное шествие экспериментальной психологии, которое исторически «завершилось» на XVIII Международном психологическом конгрессе в Москве в 1966 г. Напомним: 1966 год — всеобщая эйфория, торжество научности и экспериментального метода. Хосе Дельгадо на конгрессе докладывает о вживлении электродов в мозг животного, что позволяет модифицировать социальное поведение последнего. Кажется, еще немного — и откроются последние тайны.

Приведем заключительные слова председательствующего Карла Прибрама: «Это был поистине исторический конгресс. Я уверен, что будущие поколения, обращаясь к этому событию, будут отдавать себе отчет в том, что здесь, в Москве, мы были свидетелями того, что психология оформилась как целиком экспериментальная наука» [16. С. 87]. Складывается оптимистическая картина, согласно которой наблюдается значимый и неуклонный прогресс. Продолжают печататься материалы Конгресса (последние опубликованные статьи и доклады датированы 1969 г.).

Однако не все столь однозначно. Можно вспомнить, как в мае 1968 г. уже упоминавшийся в статье М.С. Роговин защищал докторскую диссертацию. В частности, диссертант отмечал: «Каким бы диссонансом это не звучало в настоящее время, когда результаты экспериментального метода представляются чуть ли не единственным критерием научности, этот метод сам по себе дает мало повода для размышления над содержанием научных понятий и над их исторической природой» [17. С. 2].

В этой связи можно вспомнить, что сам создатель научной психологии В. Вундт предупреждал в 1913 г., что метод эксперимента мало дает для задачи конституирования психологической науки. И, следовательно, при конструировании науки не экспериментом надо руководствоваться, а философскими основаниями [18].

Обратим внимание на то, что в 1940 г. классик психологии С.Л. Рубинштейн, осуществив анализ становления психологии наукой, пришел к выводу, что этот процесс еще не завершен [19]. С.Л. Рубинштейн пишет: «Переход от простой совокупности еще не оформившихся в науку знаний к науке является для каждой области знаний, в том числе и для психологии, крупным событием, подлинные источники и движущие силы которого очень важно уяснить себе для того, чтобы правильно понять ее дальнейшие пути и перспективы» [Там же. С. 70]. Исследователь подчеркивал, что становление новой психологической науки «не может быть стянуто в одну точку»: «Это длительный, еще не законченный процесс, в котором должны быть выделены три вершинные точки: первая должна быть отнесена к тому же XVI-XVII в. или переломному периоду от XVII к XVIII в., который выделил Энгельс для всей истории науки; вторая – ко времени оформления экспериментальной физиологической психологии в середине XIX столетия; третья – к тому времени, когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» [Там же. С. 77].

Как нам представляется, ключевым моментом в данном высказывании — глубоком и верном — является следующее: «когда окончательно оформится система психологии, сочетающая совершенство методики исследования с новой, подлинно научной методологией» (курсив мой. — B.M.)».

Таким образом, задачи – если, конечно, психология желает продолжать двигаться по избранному пути – перед психологической наукой, согласно С.Л. Рубинштейну, встают следующие:

- 1. Оформить систему психологии.
- 2. Разработать совершенные методики исследования.
- 3. Создать научную методологию.

С.Л. Рубинштейн, как представляется, пытался эту систему задач решить. В частности, его монументальные «Основы общей психологии» [20, 21] представляли собой попытку создания именно системы мировой психологии.

В силу ряда причин это не удалось [22, 23]. Обратим внимание, что этого вопроса касался в своей диссертации 1968 г. и М.С. Роговин. В частности,

вчитаемся в текст автореферата, где он отмечал: «Совершенно несомненно, что в наши дни психология переживает период бурного развития, как экстенсивного, так и интенсивного. Налицо все большее преобладание тонкого лабораторного эксперимента, использование математически выверенных методов обработки этих экспериментов. Такая тенденция, несомненно, прогрессивна в своей основе, ибо нет и не может быть иного пути превращения в действительно научную дисциплину того пестрого конгломерата отдельных фактов, наблюдений и умозрительных теорий, который представляла традиционная психология» [17. С. 2]. Отсюда следует, что психология пока лишь на пути превращения в «действительно научную дисциплину», но ею еще не стала. Хотя и превращается в нее из «пестрого конгломерата отдельных фактов, наблюдений и умозрительных теорий».

В итоге мы можем констатировать, что проблема в полном объеме не решена до сих пор. Как нам представляется, решить эту систему взаимосвязанных задач возможно. Главным условием, выполнение которого необходимо для удовлетворительного решения всех трех вышеуказанных признанным классиком психологии задач, является, на наш взгляд, разработка проблемы предмета психологической науки.

Об этом прекрасно написал Г.В. Залевский: «На мой взгляд, недостаточно понимать систему, в том числе и методологическую, только с позиции взаимосвязи составляющих ее элементов, не учитывая того, что каждый элемент играет свою роль в этой взаимосвязи, во-первых, и во-вторых, по мере усложнения живой системы — от клетки до человека и человеческого сообщества — эти взаимосвязи все больше иерархизируются с появлением «командного» элемента, играющего роль интегратора всех элементов системы. С моей точки зрения, в интегративной методологии таковым элементом и является *предмет психологии* (точнее, понимание предмета, что для нас выступает в качестве предмета психологии)» (курсив мой. — B.M.) [24. С. 198].

Обратим внимание, что предмет психологии — не просто широкое психологическое понятие. Можно сказать, что история психологии — это история поисков ее подлинного предмета. Это совершенно особое психологическое понятие, роль его чрезвычайно велика. Не случайно на последнем саммите психологов в Петербурге (2–4 июня 2019 г.) А.Г. Асмолов обратился к психологам с призывом: «Мы все время с завидным комплексом неполноценности ищем свой предмет. Мы ищем его уже которую тысячу лет. Но, родные мои, дорогие мои, я еще раз акцентирую внимание: лучше нам с вами быть с комплексом неполноценности, чем с тем комплексом, который я называю комплексом полноценности...» [25].

По нашему глубокому убеждению, так называемый кризис психологии на глубинном уровне означает нерешенность проблемы предмета психологии. Все симптомы кризиса связаны с невозможностью использовать главный методологический инструмент — категорию «предмет психологической науки», который в нынешних условиях не может реализовать свои основные функции, поскольку понимается как частичный, а не совокупный.

В специальной работе автора показано, что конструктивное разрешение наиболее актуальных методологических проблем, стоящих перед современной психологией, требует в качестве необходимого условия предварительного решения центральной проблемы — предмета психологической науки (реагирование психологии на вызовы глобализации; организация эффективных междисциплинарных исследований; интеграция психологического знания и т.д.) [26].

Нам уже приходилось писать о том, что, по нашим представлениям, возможно понимание предмета, которое может составить основу для решения вышеперечисленных задач. Это представление о предмете психологии как внутреннем мире человека [27].

Обратим внимание, трактовка предмета психологии как совокупного предмета создает возможность для того, чтобы преодолеть значимую опасность для психологии, о которой предупреждали М.С. Роговин и Г.В. Залевский. Это та опасность, которая породила метафору, давшую название и статье Г.В. Залевского, на которую мы уже ссылались, и настоящей статье. Вначале процитируем автореферат докторской диссертации М.С. Роговина: «Психолог перестает делать различие между объективной познавательной реальностью и теми научными понятиями, которыми он оперирует и которые являются лишь ее частичным и односторонним отражением» [17. С. 2]. Полагаю, каждому, кому по долгу службы приходится работать в диссертационных советах, знакомо фантасмагорическое чувство, возникающее, когда диссертант докладывает свою работу и при этом серьезно считает психической реальностью наименования шкал опросника, который он имел несчастье использовать. Увы, это характерно не только для соискателей ученой степени, но и для некоторых маститых ученых...

Мы уже приводили рассуждение М.С. Роговина, о том живой человек – единственный настоящий объект психологии. И когда на его место становятся абстрактные «психологические механизмы», «детерминирующие тенденции», «содержания сознания», «акты», «процессы», «обратные связи» и т.п., которые, «хотя и представляют необходимые строительные леса на здании научной психологии» (выделено Г.В. Залевским), хотя и углубляют понимание закономерностей психики, но, взятые вне общего контекста личности и деятельности человека, они заслоняют собой конечную цель психологического исследования.

Согласно Г.В. Залевскому, в основу его известных исследований положен *целостно-ценностный подход в контексте антропологической психологии*. Выразим солидарность с тезисом Г.В.Залевского, так как, по нашему мнению, антропологизм в психологии необходим. «В рамках такого подхода человек (антропос, т.е. человек, устремленный ввысь) и его здоровье понимаются как целостно-ценностные образования, биопсихосоционоэтическое / духовное единство со структурно-уровневым строением, высшим и интегрирующим уровнем которого является духовный уровень (духовность и духовное здоровье). Эти уровни (человека и его здоровья) отражают уровни «человеческих связей с миром» (А.Н. Леонтьев), «взаимодей-

ствия с действительностью» (А.В. Брушлинский), «разные уровни бытия» (Л.Р. Правдина)» [1. С. 71]

Г.В. Залевский, цитируя работу Е.Б. Старовойтенко, указывает, что можно мыслить эти уровни как «миры (пространства), где совершаются развитие и саморазвитие личности, которые могут быть структурированы следующим образом: мир (пространство) телесности, психологический (функциональный и душевный) мир, общественный (социальный, духовный, культурный) мир» [Там же]).

Мы, не претендуя на охват антропологической проблематики в целом (поскольку это грандиозная по своим масштабам задача), предлагаем использовать в качестве совокупного предмета *внутренний мир человека*. Поскольку нам уже приходилось давать развернутую характеристику внутреннего мира [27], обратимся к рассмотрению наиболее принципиальных моментов [28].

Было предложено в качестве предмета психологии понимать внутренний мир человека (развернутую характеристику внутреннего мира см.: [27, 28]), рассмотрено понятие «внутренний мир человека», показано, что он отражает бытие человека и формируется в процессах жизнедеятельности. Развиваясь в деятельности и поступках, он характеризуется функциональностью и оперативностью. Все психические процессы во внутреннем мире протекают одновременно на двух уровнях: сознательном и бессознательном. Внутренний мир, с одной стороны, един с внешним миром, с другой – независим от него. Внутренний мир, порождаемый как функциональное отражение внешнего мира, представляет собой целостный, идеальный мир. Это живой мир, так как он порождается потребностями человека и пронизан переживаниями. В рассматриваемом случае внутренний мир человека представляет собой совокупный предмет психе как целое, который в процессе рассмотрения подвергается анализу. Обратим внимание на то, что в этом случае психология обретает перспективу нередуктивного объяснения, ибо впервые пожелание Э. Шпрангера объяснять психическое через психическое становится реальным. Можно сказать, что в настоящем подходе реализован научный идеал, выраженный В. Дильтеем, о психологии описательной, понимающей и расчленяющей. Во всяком случае, характеризуя внутренний мир человека, авторы пытались не разрушать «одушевляющие связи». Достаточно развернуто продемонстрировано, как внутренний мир может пониматься и трактоваться в соответствии с нашей версией [29].

Традиционная психология не может полностью избавиться от функционализма, поскольку отдельные психические процессы взаимодействуют там как различные явления. Между психическими процессами, с одной стороны, и психическими свойствами, с другой стороны, при традиционном понимании имеется серьезный разрыв. В рамках предмета, трактуемого как внутренний мир человека, эти разрывы снимаются.

Внутри внутреннего мира как целого может быть переосмыслено традиционное понимание роли тех или иных его составляющих. Если внутренний мир существует – а он, несомненно, существует реально, – то он

имеет онтологический статус, что является основанием для того, чтобы изучающая его психология могла считать себя фундаментальной наукой. Понимание психического как процесса важно и значимо. Конечно, психическое может рассматриваться как процесс, но это не единственная форма существования психического. Более того, психическое как процесс существует благодаря тому, что есть постоянная основа для возникновения актуального психического процесса. В рамках внутреннего мира психические процессы (психические функции) могут быть рассмотрены как проявления способностей. Легко увидеть, что способности — это то, что объединяет все психические процессы, психические свойства человека, мотивацию.

Обратим особое внимание на то, что способности в рамках внутреннего мира рассматриваются на трех уровнях: на уровне природных качеств, на уровне субъекта деятельности и на уровне личности [30]. Подчеркнем, что на уровне личности выделяются в качестве особого класса духовные способности. Это, на наш взгляд, открывает новые перспективы в понимании смысловой сферы человека (человека ноэтического, выражаясь терминами Г.В. Залевского).

Кратко остановимся еще на одном вопросе, который, однако, имеет важнейшее значение. Как нам представляется, в современной психологии возобладала традиция, в соответствии с которой обсуждение проблемы предмета психологии как науки сводится к поиску «единиц», или «клеточек», заменяющих в процессе исследования собственно предмет. Оправданием подобного логического хода является ссылка на авторитеты, которые многократно утверждали, что «клеточку изучать легче, чем целое».

Конечно, для этого есть резон, да и история науки подтверждает продуктивность подобной стратегии исследования. Во избежание возможных недоразумений сразу же заявим нашу позицию: подобная стратегия неперспективна в подходе к трактовке предмета психологии как науки. Использование такого подхода при исследовании конкретных вопросов в данном тексте под сомнение не ставится (хотя автор полагает, что при принципиальной нерешенности проблемы предмета научной психологии продуктивность решения того или иного конкретного вопроса заметно снижается, но это мы в рамках настоящей статьи обсуждать не будем).

Как можно полагать, в нашей отечественной психологии первым этот подход начал использовать Л.С. Выготский. В свое время он стремился создать марксистскую психологию, поэтому обратился к трудам Карла Маркса. Взяв за основу логику марксова «Капитала», позаимствовав у Маркса идею «клеточки», он перенес на проблематику психологии этот подход, результатом чего явилась известная концепция «анализа по единицам» (в противоположность анализу по элементам). В 1927 г. Л.С. Выготский пишет трактат «Исторический смысл психологического кризиса». В нем, как известно, ученый ставит один из своих диагнозов: «Существуют две психологии — естественнонаучная, материалистическая, и спиритуалистическая: этот тезис вернее выражает смысл кризиса...» [31. С. 381]. Выход из кризиса может быть найден путем построения методологии пси-

хологии («диалектики психологии»). Психологии нужен свой «Капитал». «Кризис поставил на очередь разделение двух психологий через создание методологии... психология не двинется дальше, пока не создаст методологии, что первым шагом вперед будет методология, это несомненно» [31. С. 422–423].

Итак, выход из кризиса Выготский видел в создании методологии, «общей психологии». В качестве средства предлагался аналитический метод («весь "Капитал" написан этим методом...»), предполагающий выделение «клеточки» и исходящий из того, что «развитое тело легче изучить, чем клеточку» [Там же. С. 407]. (Заметим, что Л.С. Выготский находился в постоянном поиске, поэтому за свою короткую творческую жизнь он успел сформулировать несколько совершенно различных диагнозов методологического кризиса. В данном тесте мы этого вопроса касаться не будем. Об этом см.: [27].)

Л.С. Выготский, как известно, писал в «Мышлении и речи» (1934): «Под единицей мы подразумеваем такой продукт анализа, который в отличие от элементов обладает всеми основными свойствами, присущими целому, и который является далее неразложимыми живыми частями этого единства... Психологии, желающей изучить сложные единства, необходимо понять это. Она должна заменить методы разложения на элементы методом анализа, расчленяющего на единицы. Она должна найти эти неразложимые, сохраняющие свойства, присущие данному целому как единству, единицы, в которых в противоположном виде представлены эти свойства, и с помощью такого анализа пытаться решить встающие перед ними вопросы» [32. С. 9]. Как отмечал отечественный методолог психологии В.П. Зинченко, «проблема конструирования единиц анализа, адекватных той или иной предметной области исследования или данному конкретному предмету той или иной науки, решается как на уровне философской методологии, так и на уровне методологии конкретно-научной» [33. С. 81].

Напомним, что в своей книге В.П. Зинченко, обосновывая анализ по единицам, цитирует исследования замечательного отечественного философа науки Э.Г. Юдина [34]. Обратим внимание на то, что Э.Г. Юдин приводит примеры успешного использования этой технологии исследования, взятые из социально-экономической теории, эволюционной биологии, экологии. Иными словами, это примеры из области естественных либо социальных наук. Возникает резонный вопрос: насколько анализ, хорошо зарекомендовавший себя в естественных и социальных науках, применим к психологии? Как ни удивительно, вопрос о принадлежности современной психологии к той или иной группе научных дисциплин, как представляется, не решен. Некоторое время тому назад признавалась аргументация, в соответствии с которой разные уважаемые авторы отводили психологии особое место в классификации наук (Б.М. Кедров, Ж. Пиаже). Это означало, что психологию нельзя однозначно отнести к естественным, социальным или философским наукам - она имеет тесные двусторонние связи с этими группами дисциплин. Сейчас почему-то считается, что психология принадлежит к классу социогуманитарных дисциплин, хотя научное обоснование, сравнимое с кедровским, как представляется, просто отсутствует. Есть подозрения, что такая квалификация психологии была порождена «оптимизирующим» ходом мысли чиновника Министерства образования и науки, упорядочивающего подготовку аспирантов в области философии науки, но не эпистемологическими исследованиями, о чем приходится сожалеть.

В разных группах дисциплин свои закономерности, поэтому не стоит удивляться: что очевидно для естественной науки, не обязательно должно быть правильным для гуманитарной.

Что касается психологии, она имеет свою специфику; общие философские наработки в психологии зачастую непосредственно не применимы.

Как нам представляется, это справедливо для современной психологии. В нашей стране психология в значительной степени приобрела настоящий вид под влиянием марксизма. Вероятно, по-другому и быть не могло. В советской психологии возражать против позиции, освященной именем Маркса, не мог никто. Даже мудрый С.Л. Рубинштейн разделял эту позицию: «Для того чтобы понять многообразные психические явления в их существенных внутренних взаимосвязях, нужно прежде всего найти ту "клеточку" или ячейку, в которой можно вскрыть зачатки всех элементов психологии в их единстве» [21. С. 173].

Обратим внимание на один момент: если с конструированием единиц анализа, «адекватных области исследования», все совершенно ясно — это перспективный подход к конкретному исследованию, то относительно применимости этого тезиса к «предмету науки» есть много сомнений. Не имея возможности обсуждать здесь этот вопрос сколь-нибудь подробно, обратим внимание, что на нынешнем уровне развития психологической науки адекватные целостному предмету единицы вряд ли могут быть сконструированы. Дело в том, что по большому счету мы пока не постигли сущности психического. Как прекрасно по этому поводу выразился Карл Юнг, мы пока далеки, чтобы понять сущность психологического фактора: «мы еще очень далеки от того, чтобы даже приблизительно понять его сущность» [35. С. 418]. Раз мы не понимаем в точности сущности целого, вряд ли мы сможем сконструировать единицы, отражающие эту не вполне понятную нам сегодня сущность.

Пока нам не известна природа души — подлинного предмета психологии, — мы должны выбирать объекты нашего психологического исследования с большой осторожностью. Как нам представляется, нельзя допускать замены целостного совокупного предмета на клеточку или единицу. Ведь это должна быть такая единица, которая содержит в себе не только основные составляющие души (что само по себе проблематично), не говоря уже о том, что там должно быть представлено духовное начало. Большой вопрос про составные части последнего пока что остается без ответа.

Итак, повторим: как представляется, эта стратегия применительно к *предмету психологии* неприменима. Сам по себе анализ по единицам в противо-

вес анализу по элементам возражений не вызывает. Как метод исследования частных научных вопросов он, несомненно, имеет право на существование. Возражение вызывает, как уже отмечалось, применение его к предмету психологии.

Обратим внимание на один принципиальный момент. Нам уже приходилось писать о том, что логика выделения единиц неизбежно приводит к тому, что происходит «воплощение» психического, в частности его сведение к тем или иным моделирующим представлениям [26]. Иными словами, уже в процессе понимания психического происходит определенная редукция. Такое сведение представляется неизбежным.

Этого не произойдет, если мы будем понимать под предметом науки психологии целостность, т.е. совокупный предмет. Это создает принципиальную возможность идти не от элементов или единиц, а именно от целого. В нашем случае моделирующим представлением выступает «мир», но внутренний мир, который имеет свою архитектонику, созданную на основе опыта философских и психологических исследований в предшествующие столетия. Обратим внимание еще на один момент. Это единство не задается декларативно, а обнаруживается через единство входящих в него компонентов, которые трактуются не как разнородные, а, напротив, как взаимообусловленные. Именно поэтому можно утверждать, что при таком подходе используется нередуктивная логика исследования.

История поиска единиц достаточно длительна, но принципиального прорыва она пока не принесла. Во всяком случае длинный список единиц психического, использование которых в психологии себя не оправдало, приведенный в цитированной работе В.П. Зинченко, убеждает, что, возможно, это не тот путь, который ведет к успеху. Поэтому нам представляется, что более надежной исследовательской стратегией является работа с целостным, совокупным предметом.

Нельзя не остановиться еще на одном моменте. Как можно полагать, признаками зрелой науки являются накопление знаний и ее поступательное развитие (что бы ни писали сторонники теории научных революций и «перерывов постепенности»). В науке должны происходить аккумуляция знаний, учет и использование того, что было наработано. Наоборот, признаком незрелости может являться перманентный поиск новых подходов, что мы в изобилии обнаруживаем в психологии. Образно выражаясь, нацеленность на изобретение оригинальных подходов, скорее, ассоциируется с юношеским максимализмом. В этом случае условием перехода к зрелой науке можно полагать использование совокупного предмета.

Хочется подчеркнуть, что совокупный предмет — это не «лоскутное одеяло», а единая область. Единства предметной области мы еще коснемся в рамках настоящего текста. Обратим внимание, что об этом на заре научной психологии писал В.Ф. Чиж, замечательный русский психолог и методолог психологии. В далеком 1886 г. он отмечал: «В прошлом психологии мы не находим самого главного признака того, что предмет изучался научно, — равномерного прогресса; известно, например, как мало помалу разви-

валась механика, выяснялись новые факты, создавались все более и более объясняющие теории, предыдущее дополнялось, а не уничтожалось последующим; не то в психологии: каждая новая система прежде всего объявляла несостоятельными все предыдущие, потому что это были метафизические системы психологии, а не последовательная разработка психологии как науки» [10. С. 5]. На первый взгляд может показаться, что это высказывание целиком относится к прошлому психологии, тем более что с момента написания этих строк прошло без малого полтора столетия, включивших в себя XX в., когда были получены наиболее важные результаты. Однако более пристальный взгляд позволяет заключить, что в оценке русского мыслителя, сделанной в XIX столетии, заключено рациональное зерно, делающее это высказывание во многом актуальным: «последовательной разработки» психологии как науки по-прежнему нет, поскольку есть соперничающие подходы. Есть основания полагать, что происходит так исключительно потому, что отсутствует совокупный предмет психологической науки, тогда как различные конкурирующие направления и подходы конструируют свои частные предметы.

Таким образом, использование совокупного предмета позволяет выйти на новый уровень интеграции психологического знания в научной психологии. Предлагая широкую трактовку предмета, мы тем самым получаем возможность вписать то, что было получено ранее, в новую общую схему. О внутреннем мире как предмете психологии писал в 1917 г. С.Л. Франк [36]. Такого же мнения придерживались другие психологи. Здесь не место обсуждать историю исследований внутреннего мира человека.

До недавнего времени не было возможности рассматривать внутренний мир человека в его целостности, внутренний мир был общей идеей. Работы В.Д. Шадрикова, в которых внутренний мир не только был провозглашен предметом психологии, но и была представлена его архитектоника, сделали возможным конкретизировать и операционализировать внутренний мир человека, в связи с чем возникает возможность конкретно пересмотреть основные психологические понятия, выявив новые отношения между ними [28, 29].

Следует особо подчеркнуть, что когда мы говорим о целостном понимании предмета, о совокупном предмете, это никоим образом не означает, что он не дифференцирован, не имеет внутренней структуры.

Обратим внимание на следующие моменты.

Когда говорят об изменении трактовки предмета психологии, обычно имеется в виду отказ от старого понимания и предлагается «революционная» декларация об изменении трактовки. Обычно это означает призыв к «перерыву постепенности» и переход к новому подходу, т.е. содержится претензия на совершение революции. В данном случае ничего подобного не предполагается, ибо ничего не отвергается: практически все понятия, которые включаются в общую психологию, сохраняются. Результаты, полученные ранее, также сохраняются, лишь дополнительно устанавливаются новые связи и отношения, которые нельзя было установить ранее, так как не существовало объединяющего целого.

Возникает вопрос: за счет чего происходит содержательное объединение предмета, выступающего как целостность? Ответ простой: за счет внутреннего объединения, позволяющего органично соединить то, что ранее выступало исключительно как разнородное. Центральным понятием в данном случае выступают способности. В настоящем подходе способности рассматриваются как центральное организующее понятие, позволяющее органично связать психические процессы (понимаемые как способности) с личностными чертами, мотивацией и формами активности. Подобного рода переосмысление было осуществлено в работах В.Д. Шадрикова и его последователей [28, 29]. Внутренний мир человека имеет свою архитектонику, которая была описана и представлена в [14]. Общая психология выступает как наука о внутреннем мире человека, имеющем структуру и уровневое строение.

Отметим следствия такого рассуждения:

- удовлетворительное решение получает психофизиологическая проблема, поскольку функционирование внутреннего мира обеспечивается работой соответствующей функциональной системы [28];
- снимается конфликт между конкурирующими принципами отражения и конструктивизма, поскольку во внутреннем мире разграничиваются сферы их действия [27];
- удовлетворительно решается биосоциальная проблема обусловленности внутреннего мира человека, поскольку способности центральное системообразующее понятие в структуре внутреннего мира рассматриваются на трех уровнях: уровне природных способностей, уровне субъекта деятельности и личностном уровне, что позволяет четко понять и развести влияние указанных факторов;
- внутренний мир рассматривается как имеющий онтологический статус, поэтому психология получает реальное основание считаться фундаментальной наукой, изучающей реально существующие явления [27];
- пересматривается роль объяснения в психологии, появляется возможность нередуктивного объяснения, позволяющего производить причинноследственное и другие виды объяснения в пределах предмета психологической науки [26].

Подводя итог, отметим, что, как нам представляется, будущее психологической науки связано с использованием именно совокупного предмета психологии. В настоящей статье как перспективный вариант трактовки совокупного предмета предлагается внутренний мир человека.

У Канта есть замечательный образ. Он говорит, что если у ученого отсутствует «философский глаз», он становится циклопом, замыкается в предрассудках какой-либо области знания. Эту метафору часто продуктивно использует Г.В. Залевский [37]. Возможна и иная интерпретация этой кантовской метафоры. Психология, как можно полагать, будет оставаться «циклопной», если один ее глаз будет направлен на конкретную исследуемую область, что совершенно естественно. Нужен второй глаз, направленный на целостный предмет, чтобы не терялась перспектива: что именно

исследуется, что является вспомогательными приспособлениями, «лесами», а что имеет непосредственное отношение к предмету психологической науки. В этом случае, надо полагать, «циклопности» не останется, а психология будет развиваться поступательно и полностью соответствовать статусу фундаментальной науки.

Литература

- 1. Залевский Г.В. «Строительные леса» на здании, которое называется психология человека // Сибирский психологический журнал. 2019. № 71. С. 79–106. DOI: 10.17223/17267080/71/4.
- 2. Залевский Г.В., Мазилов В.А. Строитель мостов и разрушитель стен. М.С. Роговин и его вклад в становление психологии как науки // Вокруг «Стен и мостов»: размышления о методологии психологической науки : сб. ст. / под ред. В.А. Мазилова. Ижевск : ERGO, 2016. С. 137–158.
- 3. Роговин М.С. Введение в психологию. М.: Высшая школа, 1969. 384 с.
- 4. Mill J.S. A System of logic. New York: Harper, 1846. 593 p.
- 5. Кант И. Сочинения: в 6 т. М.: Мысль, 1966. Т. 6. 743 с.
- 6. Гербарт И.Ф. Психология. СПб. : Пантеон литературы, 1895. 278 с.
- 7. Wollf Ch. Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experietiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosofiae practicae actheologicae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana, 1738. 720 p.
- 8. Майоров Г.Г. Вольф // Философский энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1989. С. 96–97.
- Drobisch M. Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode. Leipzig: Voss, 1842. XII, 355 S.
- 10. Чиж В.Ф. Научная психология в Германии. СПб.: Унив. тип. (М. Катков), 1886. 107 с.
- 11. Lange F.A. Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Serlohn; Leipzig: J. Baedeker, 1887. 845 S.
- 12. Wundt W. Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann, 1874. XII, 870 S
- 13. Вундт В. Основания физиологической психологии. М.: Тип. М.Н. Лаврова и Ко., 1880. 1040 с.
- 14. Вундт В. Основы физиологической психологии. СПб. : Тип. П.П. Сойкина, 1908. Вып. 1: Естествознание и психология. 136 с.
- Brentano F. Psychologie vom empirische Standpunkte. Leipzig: Duncker & Humblot, 1874. Bd. 1. 278 S.
- Гараи Л., Кечке М. Еще один кризис в психологии! // Вопросы философии. 1997.
  № 4. С. 86–96.
- Роговин М.С. Элементы общей и патологической психологии в построении психологической теории: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1968. 28 с.
- 18. Вундт В. Психология в борьбе за существование // Новые идеи в философии. СПб. : Образование, 1913. Сб. 10: Методы психологии II. С. 93–131.
- 19. Рубинштейн С.Л. Философские корни экспериментальной психологии // Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. С. 68–90.
- 20. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Госпедиздат, 1940. 595 с.
- 21. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. М.: Госпедиздат, 1946. 704 с.
- 22. Мазилов В.А. Методология психологической науки: история и современность. Ярославль: Ярослав. гос. пед. ун-т им. К.Д. Ушинского,, 2017. 419 с.
- 23. Мазилов В.А. Психология в эпоху глобализации: поиски собственного пути // Психологический журнал. 2018. Т. 39, № 6. С. 149–153.

- 24. Залевский Г.В. Рецензия на монографию В.А. Мазилова «Методология психологической науки. История и современность» // Сибирский психологический журнал 2019. № 71. С. 197–200.
- 25. Асмолов А.Г. Вечный вопрос психологии: помогает ли решение проблем психологии разрешать «психологические проблемы»? URL: https://psy.su/feed/7542/
- 26. Мазилов В.А. Предмет психологии. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020. 180 с.
- 27. Мазилов В.А. De anima: Предмет психологии и границы его постижения // Высшее образование сегодня. 2019. № 6. С. 60–70.
- 28. Шадриков В.Д. Внутренний мир человека. М.: Логос, 2006. 386 с.
- 29. Шадриков В.Д., Мазилов В.А. Общая психология : учебник для акад. бакалавриата. М. : Юрайт, 2015, 411 с.
- 30. Шадриков В.Д. Способности и одаренность человека. М.: Ин-т психологии РАН, 2019. 274 с.
- 31. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса // Выготский Л.С. Собрание сочинений. М.: Педагогика,1982. Т. 1. С. 291–436.
- 32. Выготский Л.С. Мышление и речь. М., 1934. 304 с.
- 33. Зинченко В.П., Смирнов С.Д. Методологические вопросы психологии. М.: МГУ, 1983. 164 с.
- 34. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности : методологические проблемы современной науки. М. : Наука, 1978. 392 с.
- 35. Jung K.G. Die Bedeutung von Konstitution und Vererbung für die Psychologie // Ges. Werke. 1967. Bd. 8. S. 418–423.
- 36. Франк С.Л. Душа человека: опыт введения в философскую психологию // Франк С.Л. Предмет знания. Душа человека. СПб. : Наука, 1995. С. 417–632.
- 37. Залевский Г.В. Объяснение и понимание против «циклопной» психологии // Методология и история психологии. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 41–47.

Поступила в редакцию 26.02.2020 г.; принята 04.09.2020 г.

Мазилов Владимир Александрович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского.

E-mail: v.mazilov@yspu.org

For citation: Mazilov, V.A. Psychological Science in "Scaffolding". *Sibirskiy Psikhologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology.* 2020; 77: 23–43. doi: 10.17223/17267080/77/2. In Russian. English Summary

Psychological Science in "Scaffolding"

V.A. Mazilov^a

^a Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, 180/1, Respublikanskaya Ave., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

Abstract

The article discusses the state of Russian psychological science. Traditionally, it is said that psychology separated from philosophy in the second half of the 19th century and became an independent discipline. It is argued that, contrary to popular opinion, psychology has not yet become a fully independent science, the process of its formation continues into the pre-

sent. S.L. Rubinstein (1940), of M.S. Rogovin (1968) argue in favor of not completed yet formation of psychology as a science, because the necessary conditions are not achieved. This problem is international, that is, a problem of the world of psychology in general. The article shows that the validity confirmation of such qualification status of psychology is the conclusion of some psychologists that the methodological crisis in psychology is permanent and associates with the unresolved fundamental issues of psychology related to the strategy of mental study in present conditions. The article set the priorities that are to be discussed in psychology on its way to becoming a full-fledged fundamental science. The most important issue requiring a decision and exposed the key to psychology is the problem of subject in psychological science. The article analyzes the reaction of Russian psychology to the challenge of globalization. It is argued that the understanding of globalization as unification on the basis of the American model is a serious obstacle to the full development of psychology in fundamental science, which was predicted by the classics of psychology of the 20th century.

Keywords: psychology; science; basic science; explanation; development of science; subject of science; system of science; methodology; reduction; abilities; structural-level approach.

References

- Zalevskij, G.V. (2019) "Scaffolding" on the Building Called "Psychology of Human". Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Psychology. 71. pp. 79–106. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/71/4
- 2. Zalevskij, G.V. & Mazilov, V.A. (2016) Stroitel' mostov i razrushitel' sten. M.S. Rogovin i ego vklad v stanovlenie psikhologii kak nauki [Bridge builder and wall destroyer. M.S. Rogovin and his contribution to the formation of psychology as a science]. In: Mazilov, V.A. (ed.) Vokrug "Sten i mostov": razmyshleniya o metodologii psikhologicheskoy nauki [Around "Walls and Bridges": reflections on the methodology of psychology]. Izhevsk: ERGO. pp. 137–158.
- 3. Rogovin, M.S. (1969) *Vvedenie v psikhologiyu* [Introduction to Psychology]. Moscow: Vysshaya shkola.
- 4. Mill, J.S. (1846) A System of Logic. New York: Harper.
- 5. Kant, I. (1966) *Sochineniya:* v 6 t. [Works: in 6 vols]. Vol. 6. Translated from German. Moscow: Mysl'.
- 6. Herbart, I.F. (1895) *Psikhologiya* [Psychology]. Translated from German. St. Petersburg: Panteon literatury.
- 7. Wollf, Ch. (1738) Psychologia empirica, methodo scientifica pertractata qua ea, quae de anima humana indubia experietiae fide constant, continentur et ad solidam universae philosofiae practicae actheologicae naturalis tractationem via sternitur. Francofurti & Lipsiae: Libraria Rengeriana.
- 8. Mayorov, G.G. (1989) Vol'f [Wolf]. In: Ilichev, L.F. & Fedoseev, P.N. (eds) *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sov. entsiklopediya. pp. 96–97.
- 9. Drobissh, M. (1842) Empirische Psychologie nach naturwissenschaftlicher Methode. Leipzig: Voss.
- Chizh, V.F. (1886) Nauchnaya psikhologiya v Germanii [Scientific psychology in Germany]. St. Petersburg: Univ. tip. (M. Katkov).
- 11. Lange, F.A. (1887) Geschichte des Materialismus und Kritik seiner Bedeutung in der Gegenwart. Serlohn; Leipzig: J. Baedeker.
- 12. Wundt, W. (1874) Grundzüge der physiologischen Psychologie. Leipzig: Engelmann.
- 13. Wundt, W. (1880) *Osnovaniya fiziologicheskoy psikhologii* [Fundamentals of physiological psychology]. Translated from German. Moscow: Tip. M.N. Lavrova i Ko.

- 14. Wundt, W. (1908) *Osnovy fiziologicheskoy psikhologii* [Fundamentals of physiological psychology]. St. Petersburg: Tip. P.P. Soykina.
- 15. Brentano, F. (1874) *Psychologie vom empirische Standpunkte*. Vol. 1. Leipzig: Duncker & Humblot.
- 16. Garai, L. & Kechke, M. (1997) Eshche odin krizis v psikhologii! [Another crisis in psychology!]. *Voprosy filosofii Issues of Phylosophy*. 4. pp. 86–96.
- 17. Rogovin, M.S. (1968) *Elementy obshchey i patologicheskoy psikhologii v postroenii psikhologicheskoy teorii* [Elements of general and pathological psychology in the construction of a psychological theory]. Abstract of Pedagogy Dr. Diss. Moscow.
- 18. Wundt, W. (1913) Psikhologiya v bor'be za sushchestvovanie [Psychology in the struggle for existence]. In: Lossky, N.O. & Radlov, E.L. (eds) *Novye idei v filosofii* [New ideas in philosophy]. Vol. 10. St. Petersburg: Obrazovanie. pp. 93–131.
- 19. Rubinstein, S.L. (1973) *Problemy obshchey psikhologii* [Philosophical roots of experimental psychology]. Moscow: Pedagogika. pp. 68–90.
- Rubinstein, S.L. (1940) Osnovy obshchey psikhologii [Fundamentals of General Psychology]. Moscow: Gospedizdat.
- Rubinstein, S.L. (1946) Osnovy obshchey psikhologii [Fundamentals of General Psychology]. 2nd ed. Moscow: Gospedizdat.
- 22. Mazilov, V.A. (2017) *Metodologiya psikhologicheskoy nauki: istoriya i sovremennost'* [Methodology of Psychological Science: History and Present]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
- 23. Mazilov, V.A. (2018) Psikhologiya v epokhu globalizatsii: poiski sobstvennogo puti [Psychology in the era of globalization: the search for your own path]. *Psikhologicheskiy zhurnal*. 39(6). pp. 149–153.
- 24. Zalevskij, G.V. (2019) Review of the monograph "Methodology of Psychology. History and Contemporaneity" by V.A. Mazilov. *Sibirskiy psikhologicheskiy zhurnal Siberian Journal of Psychology*. 71. pp. 197–200. (In Russian). DOI: 10.17223/17267080/71/11
- 25. Asmolov, A.G. (n.d.) *Vechnyy vopros psikhologii: pomogaet li reshenie problem psikhologii razreshat' "psikhologicheskie problemy"?* [The eternal question of psychology: does the problem solving of psychology help to solve "psychological problems"?]. [Online] Available from: https://psy.su/feed/7542/
- 26. Mazilov, V.A. (2020) *Predmet psikhologii* [The Subject of Psychology]. Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University.
- 27. Mazilov, V.A. (2019) De anima: Predmet psikhologii i granitsy ego postizheniya [De anima: The subject of psychology and the boundaries of its comprehension]. *Vysshee obrazovanie segodnya Higher Education Today*. 6. pp. 60–70.
- 28. Shadrikov, V.D. (2006) Vnutrenniy mir cheloveka [Human Inner World]. Moscow: Logos.
- Shadrikov, V.D. & Mazilov, V.A. (2015) Obshchaya psikhologiya [General Psychology]. Moscow: Yurayt.
- Shadrikov, V.D. (2019) Sposobnosti i odarennost' cheloveka [Human abilities and giftedness]. Moscow: Institute of Psychology RAS.
- Vygotsky, L.S. (1982) Sobranie sochineniy [Collected Works]. Vol. 1. Moscow: Pedagogika. pp. 291–436.
- 32. Vygotsky, L.S. (1934) Myshlenie i rech' [Thinking and Speaking]. Moscow: [s.n.].
- 33. Zinchenko, V.P. & Smirnov, S.D. (1983) *Metodologicheskie voprosy psikhologii* [Methodological issues of psychology]. Moscow: Moscow State University.
- 34. Yudin, E.G. (1978) Sistemnyy podkhod i printsip deyatel'nosti: metodologicheskie problemy sovremennoy nauki [System approach and principle of activity: methodological problems of modern science]. Moscow: Nauka.
- 35. Jung, K.G. (1967) Ges. Werke. Vol. 8. pp. 418–423.
- 36. Frank, S.L. (1995) *Predmet znaniya. Dusha cheloveka* [The Subject of Knowledge. Human Soul]. St. Petersburg: Nauka. pp. 417–632.

37. Zalevskij, G.V. (2008) Explanation and understanding versus "cyclopean psychology". *Metodologiya i istoriya psikhologii – Methodology and History of Psychology*. 3(1). pp. 41–46. (In Russian).

Received 26.02.2020; Accepted 04.09.2020

Vladimir A. Mazilov – Head of the Department of General And Social Psychology Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. Professor, D. Sc. (Psychol.). E-mail: v.mazilov@yspu.org